

После ухода Цзинь Фэйфэй Бай Муюнь еще долго сидел в одиночестве.

Он залпом допил остатки остывшего черного кофе и вышел из заведения. В голове было пусто, взгляд — остекленевшим, а движения — механическими, будто у живого мертвеца.

Творческие натуры склонны к рефлексии, и сейчас в его разуме теснились бесконечные «если бы». Если бы он тогда ушел чуть позже... Если бы набрался решимости и разыскал Лу Яня... Если бы расспросил соседей... Если бы...

Бай Муюнь подошел к перекрестку. Глядя на слепящий красный свет, он упрямо твердил себе: «На красный — идти...» Нет, что-то не так. Красный — идти, зеленый — стоять... Разве не так? Идти на красный, идти на красный...

Он сделал несколько шагов, но тут же замер и растерянно поднял голову. Со стороны донесся визг тормозов, кто-то яростно ругался, но Бай Муюнь не разбирал слов. Он лишь безучастно повернулся к водителю, который, высунувшись из машины, что-то кричал и активно жестикулировал.

Внезапно кто-то ухватил его за руку и потянул назад, на тротуар. Незнакомая женщина тут же принялась его отчитывать:

— Переходить на красный — это же верная смерть! Молодой человек, вы такой взрослый, а не знаете: на красный стоим, на зеленый идем!

«Ах да. На красный — стоим. На зеленый — идем».

— Парень? Парень! — Женщина похлопала его по плечу и прикрикнула: — Ты что, в астрал ушел?!

Бай Муюнь вздрогнул, словно пробудившись от долгого сна. Он зажмурился и посмотрел на женщину:

— Простите. Я... я просто задумался.

Чтобы вернуться в больницу, переходить дорогу было вовсе не нужно. Бай Муюнь виновато кивнул и, не обращая внимания на подозрительный взгляд прохожей, явно принявшей его за сумасшедшего, быстрым шагом направился к госпиталю.

Дверь в палату была приоткрыта. Войдя, Бай Муюнь увидел Цзинь Фэйфэй — та держала телефон, помогая Лу Яню записать короткое видео для фанатов, чтобы сообщить, что с ним всё в порядке.

Муюнь не стал им мешать. Он молча прислонился к стене в углу, наблюдая со стороны.

—...В общем, сейчас мне уже лучше, опасности нет. Спасибо всем за заботу.

Закончив запись, Фэйфэй передала телефон Лу Яню. Подняв глаза, она заметила вошедшего:

— Ты вернулся?

Бай Муюнь смотрел только на Лу Яня.

— Да.

Лу Янь тоже заметил его. Режиссер на мгновение обрадовался, но тут же в его взгляде промелькнула обида. Он протянул руку:

— Почему ты так долго?..

Бай Муюнь подошел, сел на край кровати и, сжав его ладонь в своей, тихо проговорил:

— Прости меня.

Цзинь Фэйфэй, тонко чувствуя момент, пробормотала что-то про ужин и поспешно ретировалась, плотно прикрыв за собой дверь.

Лу Янь выложил видео в вейбо, разослал его друзьям и, отложив телефон, нахмурился:

— Я обиделся. Я проснулся, а тебя нет. Мне было страшно.

Бай Муюня захлестнуло чувство вины. Он прижался губами к тыльной стороне его ладони и сдавленным, дрожащим голосом повторил:

— Прости.

Лу Янь оторопел. Его напускная строгость мгновенно испарилась, сменившись тревогой.

— Я... я же просто пугаю тебя, я не по-настоящему злюсь... Мне просто было одиноко. Я уже не обижаюсь... — Он с сочувствием всмотрелся в лицо любимого. — Только не плачь, прошу.

Бай Муюнь осторожно обнял его, стараясь не задеть травмированные места. Он прижался к

нему всем телом и сдавленно всхлипнул ему в плечо. В этом плаче выплеснулось всё: годы невыносимой тоски, горечь от былых заблуждений, жгучая боль за то, через что Лу Яню пришлось пройти в одиночку, и люта я ненависть к себе за собственное неведение...

Лу Янь окончательно растерялся. Он почти никогда не видел, чтобы Муюнь плакал — с двенадцати лет тот не проронил ни слезинки в реальной жизни. Но сейчас Бай Муюнь рыдал навзрыд, и Лу Янь каждой клеткой чувствовал его запредельное отчаяние. Так плачут дети, когда на их глазах разбивают вдребезги самое дорогое, что у них было.

— Что с тобой?.. — Лу Янь мягко, раз за разом поглаживал его по спине.

— Я всё знаю, — глухо отозвался Муюнь.

Лу Янь замер. Мысли заметались в лихорадочном ритме. Он вспомнил отсутствие Фэйфэй и Муюня, вспомнил виноватый взгляд помощницы... и этот внезапный срыв обычно сдержанного Бая.

Лу Янь судорожно вцепился в одежду Муюня. Его прошиб холодный пот, он словно окаменел.

Почему он так боялся рассказывать о прошлом? Во-первых, он не хотел, чтобы любимый видел его в моменты падения, и боялся, что известие о болезни оттолкнет Муюня. Во-вторых, он до смерти страшился его жалости. Он не хотел, чтобы Бай Муюнь остался с ним из чувства долга или сострадания.

«Я же псих. Кому охота возиться с сумасшедшим? Это же обуза, вечная боль и косые взгляды за спиной. Кто добровольно выберет жизнь с безумцем?»

Лу Янь замер, словно в ожидании смертного приговора. Отчаяние затягивало его в воронку, он побледнел, а сознание начало путаться. Он впал в пограничное состояние.

Заметив, что с Лу Янем что-то не так, Бай Муюнь отстранился и взглянул ему в лицо. Испугавшись его отсутствующего взгляда, он легонько встряхнул его за плечи:

— Янь-эр? Что с тобой, Янь-эр?!

Он принялся лихорадочно вытирать слезы с его лица, собираясь вскочить за врачом, но Лу Янь намертво вцепился в него.

— Не уходи... не уходи... умоляю, не оставляй меня... — шептал он в бреду.

Муюнь снова сел и крепко прижал его к себе, баюкая.

— Не уйду. Ни за что не уйду, кто бы ни гнал. Он никогда больше не оставит Лу Яня.

Он нежно покрывал поцелуями его лоб, нос, щеки и губы, нашептывая утешения. Сердце Муюня разрывалось от нежности и боли; он перепробовал все ласковые слова, переходя на высокие поэтические образы, клянясь, что скорее горы сравняются с землей и реки потекут вспять, чем он предаст их союз. Он шептал о верности, что крепче камня, и о любви, которая не знает преград ни в жизни, ни в смерти.

Наконец, убаюканный его мягким голосом, Лу Янь забылся глубоким сном.

Бай Муюнь с облегчением выдохнул. Он аккуратно уложил его на подушки, убрал прядь волос со лба и долго смотрел в его лицо, пока тихий стук в дверь не привел его в чувство.

На пороге стояли Хуа Ваньцин, Цзи Бай и новый ассистент Сяо Сы. Увидев лицо актера, все трое застыли в изумлении.

— Что у тебя с глазами? — выдохнула Сестра Хуа. — Ты что, плакал?

Муюнь ответил с каменным лицом:

— Соринка попала. Дайте мне минуту умыться, и поговорим в коридоре.

Он закрыл дверь прямо перед их носами.

Спустя тридцать секунд он вышел, и они отошли в сторону. Бай Муюнь вкратце обрисовал ситуацию Хуа Ваньцин. Та долго молчала, подбирая слова.

— Кхм... Так вы... помирились?

— Да. Теперь Лу Янь — мой парень.

Хуа Ваньцин не верила своим ушам:

— погоди, он же так обошелся с тобой тогда, и ты просто это принял?

Муюнь бросил на нее ледяной взгляд:

— Это было недоразумение. Теперь всё прояснилось.

Менеджер подавила желание расспросить о подробностях — по лицу Бая было ясно, что откровенничать он не намерен.

— Ладно... Дело ваше, личное. Но учтите, на публике вам придется...

Бай Муюнь достал сигарету и, вертя ее в пальцах, перебил:

— Я не собираюсь прятать Лу Яня. Ты понимаешь, о чем я?

Глаза Хуа Ваньцин полезли на лоб.

— Ты хочешь сказать... ты собираешься сделать каминг-аут?!

— Вовсе нет.

Она с облегчением выдохнула:

— Слава богу. Ты же знаешь, хоть времена и меняются, общество всё еще не слишком лояльно к такому...

— Я хочу, чтобы всё шло своим чередом, — Бай Муюнь тонко улыбнулся и подмигнул. — Пусть гадают. Тому, кто угадает первым, выдадим приз.

Хуа Ваньцин с трудом сглотнула:

— И что значит это твое «своим чередом»?

— Просто наблюдай, Сестра Хуа, и готовься, — он качнул телефоном в руке. — Шумиха может подняться посильнее, чем после нынешних обсуждений Yunyan CP.

При мысли о комментариях в сети у менеджера заныли виски. После пожара на съемках «□□» горячие темы в топах вейбо сменяли друг друга бесконечно, и первая десятка была целиком оккупирована новостями о съемочной группе, Бай Муюне и Лу Яне.

Обсуждения в сети

#□□□□□□□□#

#□□□□□□□□#

#□□□□□□□□□□#

#Лу Янь ранен при пожаре#

#Заявление студии Бай Муюня#

#Пожар мог быть преднамеренным поджогом#

[Слава богу, что никто не погиб.]

[Но режиссер Лу пострадал! Надеюсь, с ним всё будет хорошо, скорейшего выздоровления!]

[Черт, неужели это поджог?! Какая сволочь на такое пошла?!]

[Я чуть не умерла от страха... Когда днем услышала про пожар, и не думала, что это коснется нашего Босса Бая! Плакала навзрыд, слава небу, что он цел!]

[Серьезно, фанаты Муюня — самые обделенные информацией люди в мире. Кумир вписался в проект, а они ни сном ни духом, узнают из новостей о катастрофе. И смех и грех.]

[— Человеку плохо, а ты смеешься?]

[— Да я же к тому, что после такой беды точно наступит белая полоса! Праздную спасение любимого актера!]

[Моя подруга — из Облачных парусов. Когда увидела видео, где он вбегает в полыхающее здание, просто закричала: «Выходи! Не ходи туда!» Это было жутко...]

[У меня сердце замерло на этом моменте. Бай Муюнь просто зверь! В такое пекло сунуться... Мужик, мое почтение.]

[Говорят, он бросился туда спасти Лу Яня... Эм-м-м, а что там за отношения такие?]

[— Не спрашивай. Это любовь.]

[Эпизод первый: жаркие объятия в отеле. Эпизод второй: спасение из огня. Эпизод третий: взаимное исцеление... Вы думали, это мелодрама? Нет, это мужская дружба!]

[— Положим руку на сердце: это точно дружба, а не любовь?!]

[— У кого такая дружба, что в огонь друг за другом прыгают? Не верю!]

[— Да какая к черту дружба, это любовь в чистом виде! Я этот шип самолично заперла, а ключ в океане утопила!]

[— Даже если я умру и меня заколотят в гробу, я из могилы прохриплю: «Yunyan CP — это канон!»]

[Бай Муюнь аморален, холоден к родным, ему не место в шоу-бизнесе!]

[— Эй, проснись, твои вбросы уже плесенью покрылись, обнови методичку.]

[— Ха-ха-ха, пока хейтеры строчат высеры, наш Муюнь на гребне волны, не догоните!]

[Интересно, как там Лу Янь. По видео непонятно, насколько тяжелые травмы...]

[— Храни бог режиссера Лу (молитвенный жест)]

[Честно, советую им обоим в храм сходить, свечку поставить. Что-то им фатально не везет в последнее время.]

[Уже второй раз Лу Янь втягивает нашего Бая в неприятности. Чем в храм ходить, лучше бы Босс Бай держался от него подальше.]

[— Минутку внимания: вообще-то, пожар был направлен именно против Муюня. Так что еще вопрос, кто кого втягивает. Наш режиссер не только пострадал, но и на деньги попал, декорации-то сгорели!]

[— К вашему сведению, Лу Янь бросился в огонь, думая, что Муюнь там. И ранение получил, прикрывая его!]

[— А в прошлый раз? Если бы Лу Янь не тупил, моему кумиру не пришлось бы лезть на нож маньяка!]

[Облачные паруса и Маленькие фейерверки, хватит грызться! Пока фанаты рвут друг другу глотки, их кумиры душа в душу кино снимают. Какой смысл в этих войнах?]

[— Yunyan CP уже связаны красной нитью судьбы длиной в восемнадцать метров, простым смертным этот узел не развязать. Лучше присоединяйтесь к нам, у нас тут любовь и милота!]

<http://bllate.org/book/18159/1760607>